

Крымский Даниил Игоревич

(кандидат юридических наук, доцент Департамента систем судопроизводства и уголовного права Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»)

РАЗВИТИЕ УПРОЩЁННЫХ ПРОИЗВОДСТВ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПАРАДОКСАЛЬНЫЕ СЛЕДСТВИЯ

Введение упрощённых форм разрешения споров в судах традиционно рассматривается как направленное на достижение целей сокращения издержек, снижения формализма, ускорения процесса судопроизводства. Однако, основываясь на практике и развитии законодательства в этой сфере, результат достижения этих желаемых целей представляется не столь однозначным. Привело ли это к облегчению доступа к судебной защите, её ускорению? Есть ли предпосылки утверждать, что создаваемое регулирование и опыт функционирования упрощённых производств и в России и в зарубежных странах свидетельствует о том, что фактически упрощение судопроизводства не достигается, а законодательное регулирование привело не к упрощению, а усложнению судопроизводства?

Общемировым является тренд на дифференциацию судопроизводства, поиска наиболее оптимальных и эффективных способов рассмотрения и разрешения дел, учитывая характер спора, типичность (серийность) дела, правовую и фактическую сложность, ценовой порог и другие факторы, способные предопределить необходимость полноценного судебного разбирательства в каждом конкретном случае. В этом контексте активно развиваются упрощённые производства, представляющие собой такие формы отправления правосудия, которые характеризуются отступлением от базовых, традиционных моделей (действие принципов судопроизводства сужается; устанавливаются сокращённые сроки рассмотрения дел, подачи процессуальных документов; не проводятся судебные заседания и т.д.). В настоящей статье мы сознательно исходим из наиболее широкого понимания упрощённых производств (включая в них и собственно упрощённое производство и приказное производство, производство по делам с «малой ценой иска» и иные аналогичные институты, воспринятые российским и зарубежным гражданским процессуальным законодательством).

Представляется, что наблюдаемое развитие упрощённых производств в том виде, какое оно есть сейчас, и свидетелями которого мы являемся, можно охарактеризовать как не лишённое парадоксов, неожиданных расхождений между желаемым (прогнозируемым/моделируемым) и действительным, противоречиво и диалектично в своей природе.

Прежде всего следует отметить, что широкое применение упрощённых производств по значительному количеству дел означает замещение ими общеисковой формы, ранее являвшейся основной моделью судопроизводства. Изначально же упрощённые производства формировались как подвид, как некое исключение, то есть не мыслились в

качестве основной, обычной и «повседневной» формы судопроизводства для большинства гражданских дел. Тем самым формируется новый стандарт основной процедуры рассмотрения дел.

Можно заметить и то, что упрощение судопроизводства в значимой степени привело к обратному эффекту - усложнению судопроизводства. Поскольку введение упрощённых форм разрешения дел – это одно из проявлений дифференциации судопроизводства, то есть создание новых, дополнительных форм, а, следовательно, усложнение системы в целом. В особенности это утверждение справедливо для тех случаев и моделей, когда именно за заявителем остаётся право выбора обращения в суд по той или иной процедуре (альтернативно), то есть выбор надлежащего порядка рассмотрения своего дела и «управления им» находится не в руках суда.

Кроме того, само нормативное регулирование упрощённых форм судопроизводства, которое предлагает, к примеру, российский законодатель, характеризуется запутанностью. Известно, что законодательная материя в целом является достаточно сложной, трудной для восприятия, что в полной мере относится и к процессуальному законодательству [1, с. 264, 267]. Полагаем, в части регулирования упрощённых производств она тоже весьма усложнена, что препятствует её оптимальному функционированию и единообразному применению. Так, можно отметить сложность в самом подходе к конструированию правовых норм и к регулированию самой модели упрощённых производств, в основе которых лежит многофакторное комбинирование: сочетание императивных и факультативных случаев рассмотрения дел в упрощённом порядке, что требует урегулирования вопросов о том, кто может быть инициатором перехода в и из упрощённого производства (равным образом есть случаи, когда инициатива может исходить от суда, так и от участников процесса), при каких условиях это возможно и допустимо (ценовой порог и/или качество заявленных требований) и др.

Это ведёт и к сложностям в трансформации из одного вида судопроизводства в другой, что усложняет весь процесс не только с точки зрения затрачиваемых материальных и временных ресурсов, но и, что немаловажно, интеллектуальных ресурсов судьи. Запутанность и недостаточная чёткость правил, возникающие проблемы с «нецелесообразной ступенчатостью», необходимостью совершения «промежуточных процессуальных действий», неединообразная практика таких трансформаций убедительно показана в литературе [2, с. 159-176]. Тем самым, вместо сокращения затрат может возникать обратный эффект, то есть происходить их увеличение, но будет ли это отвечать целям эффективности правосудия?

Важно напомнить, что активное внедрение упрощённых производств изначально мыслилось как один из важных способов разгрузки суда, упрощения и ускорения его деятельности с учётом все увеличивающегося количества дел. В действительности же комплексность и сложность правил об упрощённых производствах едва ли способствует такому результату.

Свидетельством этого могут выступать данные о сохранении существенной нагрузки на суд даже при общем снижении количества рассматриваемых дел, что требует принятия из года в год «очередных» мер по снижению судебной нагрузки. Таким образом, можно поставить под сомнение тезис об упрощённых производствах как средстве сокращения нагрузки на суд, что отмечается и в литературе [3, с. 55].

Упрощённые производства преследовали цель облегчения формализма традиционного процесса (отход от сложной формализованной процедуры), обеспечение большей доступности и понятности судопроизводства для населения. Но, будучи основанными на письменных началах и фактически являющихся письменными (документарными) производствами, такие производства, напротив, приводят к усилению формализма - весь процесс укладывается либо в относительно стандартные формы и формуляры, которые и обеспечивают упрощение, и отступление от которых недопустимо, либо в необходимость написания «сложных» процессуальных документов (объяснений, возражений и т.д.), составление которых в меньшей степени доступны непрофессиональному участнику (в отличие от устного судебного разбирательства).

С этим тесно связаны и социально-экономические эффекты упрощённых производств. Очевидно, что более развитая экономика и современный динамичный хозяйственный оборот создают почву для более широкого применения упрощённых производств, поскольку все большее количество споров требуют разрешения, при том, что многие из них не являются сложными. С точки зрения рядового гражданина такое стремительное и широкое внедрение упрощённых процедур может вызывать негативное восприятие: он может чувствовать свою уязвимость, если, например, с него в упрощённом порядке недобросовестно взыскиваются задолженности и существует поле для злоупотреблений со стороны недобросовестных кредиторов / взыскателей (например, банков, микрофинансовых организаций и т.д., учитывая высокую степень «закредитованности» населения). При таких условиях граждане менее охотно будут вступать в экономические отношения [4, с. 180].

Наконец, ведя речь о доверии, авторитете судебной системы и судей в глазах населения, наличии у обратившегося в суд чувства защищенности правом и судом, следует отметить ещё, как минимум, два немаловажных аспекта: во-первых, допустимость отсутствия мотивировочной части в решениях, принимаемых в упрощённых производствах может создавать негативный эффект и восприятие населением таких видов судопроизводства (в то время как профессиональные участники судопроизводства, в большей степени осознающие сильные и слабые стороны своей правовой позиции, могут воспринимать эту особенность упрощённых производств менее остро), а, во-вторых, такой же эффект может создаваться и ввиду отсутствия традиционных судебных заседаний, то есть разрушения сакральности «места и действия» в суде, низведение его уровня до «обычной» государственной услуги.

Изложенные выше аспекты, полагаем, иллюстрируют не лишенный противоречий процесс развития упрощённых производств, требующих сбалансированного регулирования, и демонстрируют всю сложность выбора, стоящего перед законодателем при их нормативном закреплении, поскольку повсеместное введение упрощённых производств по все большему количеству рассматриваемых судами дел может не всегда позитивно сказаться на развитии правосудия, но размыть его основы или привести обратному от желаемого эффекту.

Список литературы

1. Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа / А.В. Кнутов [и др.]. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 311 с.
2. Галковская Н.Г. Трансформация упрощённого производства в гражданском и арбитражном процессе в ординарную процессуальную процедуру // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 159–176.
3. Крымский Д.И. Упрощённые производства по гражданским делам в зарубежном законодательстве и судебной практике // Российский судья. 2020. № 12. С. 51-55.
4. Крымский Д.И. Человекоцентризм в гражданском процессуальном праве: возвращение к истокам в условиях вызовов современности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 4 (51). С. 176–189.

The introduction of simplified forms of dispute resolution in courts is traditionally viewed as aimed at achieving the goals of reducing costs, reducing formalism, and speeding up the process of legal proceedings. However, based on the practice and development of legislation in this area, the result of achieving these desired goals is not so clear. Has this led to facilitating access to judicial protection, its acceleration? Are there any prerequisites for asserting that the regulation being created and the experience of the functioning of simplified proceedings both in Russia and in foreign countries indicate that, in fact, the simplification of legal proceedings is not achieved, and legislative regulation has led not to the simplification, but to the complication of legal proceedings?